

Российская империя как объект (пост)колониальных исследований

Кевин М.Ф. Платт

Постсоциалистические постколони и руины глобальной истории

Kevin M.F. Platt

The Post-Socialist Postcolonial and the Ruins of Global History

Кевин М.Ф. Платт (Университет Пенсильвании, Филадельфия, США; профессор на факультете русских и восточноевропейских исследований; PhD славянских языков и литературы) kmfplatt@sas.upenn.edu.

Kevin M.F. Platt (PhD, Professor of Russian and East European Studies, Slavic Languages and Literatures at the University of Pennsylvania, Philadelphia, USA) kmfplatt@sas.upenn.edu.

Ключевые слова: постколониальные исследования, постсоциалистические исследования, славистика, история империи, история идеологии, СССР, Латвия, Россия

Key words: postcolonial studies, post-socialist studies, Slavic studies, history of empire, history of ideology, USSR, Latvia, Russia

УДК: 009+303.4+325.3+327.2
DOI: 10.53953/08696365_2022_178_6_201

UDC: 009+303.4+325.3+327.2
DOI: 10.53953/08696365_2022_178_6_201

Критический словарь постколониальной теории редко применялся к постсоциалистическому и постсоветскому пространству до 2000-х годов, и только в последнее десятилетие стал более широко использоваться в исследовании соответствующих регионов. При этом лишь немногие результаты такого использования «классических» постколониальных инструментов вызвали резонанс за пределами славистики и евразийских исследований. Но эта тенденция, возможно, подходит к концу, как свидетельствуют успехи двух недавних монографий Моника Попеску и Россена Джагалова. Однако резкое различие между подходами авторов, очевидное в этих книгах, многое говорит о нерешенных проблемах интеграции постсоциалистических и постколониальных терминов анализа. Как будет показано в статье на

The critical dictionary of postcolonial theory was rarely applied to the post-socialist and post-Soviet space prior to 2000, and only in the last decade has it been more widely used in the study of the relevant regions. Moreover, only a few results of such use of “classic” postcolonial tools have had resonance outside of Slavic and Eurasian studies. But this trend may be coming to an end, as shown by the success of two recent monographs by Monica Popescu and Rossen Djagalov. However, the sharp difference between the two approaches of the authors that is obvious in these two books tells a lot about the unsolved problems of integration of post-socialist and the postcolonial terms of analysis. As it will be shown in the article using material from the history of postcolonial and post-socialist research, the difference between these two approaches illustrates the impossibility at present of recon-

материале истории постколониальных и постсоциалистических исследований, различие между этими двумя подходами иллюстрирует невозможность в настоящее время согласовать историю империи и историю идеологии в глобально значимой форме.

ciling the history of empire and the history of ideology in a globally meaningful form.

Я начну свое рассуждение с одного примера, который помогает пролить свет на нашу общую ситуацию — момент, когда двадцать первый век, по-видимому, набирает ускорение, двигаясь по историческим траекториям, которые невозможно было предвидеть тремя десятилетиями ранее, когда заканчивался век двадцатый. На трассе, ведущей из Риги в направлении Даугавпилса, находится кафе «Дакота» (Dakota kafejnīca) — заведение, предлагающее стандартное меню классического латвийского общепита, разбавленное влиянием глобальной индустрии замороженных продуктов: отбивные в кляре, картофель фри, майонезные салаты с картофелем и/или мясом. Самое интересное в этой придорожной забегаловке не еда, а большая коллекция артефактов, демонстрируемая внутри и на всей территории кафе, состоящая преимущественно (но не только) из советского авиационного и военного снаряжения и символики, включая несколько самолетов целиком, американскую и советскую военную технику, разнообразные виды вооружения, артиллерийские снаряды, медали и значки, авиамодели и т.п.¹ Внутри и снаружи ресторана буквально умопомрачительное количество подобных объектов тщательно расставлено, образуя единое целое, напоминающее что-то среднее между историческим музеем и арт-инсталляцией. Так или иначе, никаких сопроводительных текстов нет. Однажды летним вечером 2016 года владелец этого музея-инсталляциоресторана Юрий, авиамеханик на пенсии, развлек меня рассказом о том, как он заполучил свое главное сокровище — кабину принадлежавшего «Аэрофлоту» авиалайнера Ан-24 (ил.), за которую он заплатил совершенно номинальную сумму, так как самолет был списан и отдан на слом. Юрий забрал его себе, установил на своем участке и заботливо отреставрировал с помощью бывших коллег из аэропорта и друга, у которого был грузовик с платформой.

Хайдеггер в «Истоке художественного творения» объясняет, как в единственном произведении искусства, например картине Ван Гога, изображающей пару крестьянских башмаков, может находить выражение человеческий мир целиком [Heidegger 1992]. Хотя коллекцию Юрия можно считать своего рода произведением искусства, реальность, к которой она отсылает, фрагментирована, ее осколки невозможно собрать воедино. Вместо целостной картины мира она являет собой памятник идеологическим конфликтам и имперским войнам, волны которых прокатывались по Европе, дробя ее территории и население, на протяжении столетий. Здесь нет единого мира, лишь пребывающие в неустойчивом равновесии визуальные отпечатки и материальные следы множества конкурирующих миров. Я трактую инсталляцию Юрия как аллегорию

1 Свое название кафе «Дакота» получило от обозначения, под которым в британских военно-воздушных силах во время Второй мировой войны был известен самолет DC-3, являющийся символом заведения и изображенный на его логотипе и вывесках.

Ил. Кабина авиалайнера Ан-24 компании «Аэрофлот» из коллекции авиамеханика Юрия, владельца кафе «Дакота» (Dakota kafejnīca). Латвия, 2016. Фотография Кевина М.Ф. Платта

исторических и политических конфликтов, терзающих в наши дни Восточную Европу, но также в некотором смысле как аллерию положения, в котором находится каждый из нас, в какой бы точке мира мы ни находились, в ужасном 2022 году. Подобно Юрию, мы сталкиваемся с по-видимому невыполнимой задачей осмыслить застарелые следы и обломки истории колониальных империй и конфликтов времен холодной войны, национал-социализма и его многообразного наследия, общественной и экономической жизни в социалистических государствах и в эпоху неолиберального закручивания гаек, а также множества завоевательных и освободительных войн прошлого — в нашу современную эпоху в неравной степени достигнутого национального суверенитета, глобального рыночного капитализма, замороженных и новых кровавых конфликтов на границах бывшего соцблока. Подобно Юрию, будучи обитателями глобальной постсоциалистической постколонии, мы все сталкиваемся с задачей собирания этих осколков. И никто из нас не справляется с этой задачей. В этой статье я пытаюсь диагностировать нашу общую патологию. Однако прежде я должен сделать оговорку: я не готов предложить читателю особую версию истории, способную разрешить все конфликты, остановить войны, урвать разрывы и прийти наконец к «правильному» взгляду на прошлое, с которым все бы согласились. Подозреваю, что в настоящий момент ни одно исследование не может выполнить такой задачи. Поэтому мой подход в данной статье заключается не столько в том, чтобы отвечать на вопросы о прошлом, сколько в том, чтобы позволить прошлому задать нам вопросы.

В 1998 году Ханс-Ульрих Гумбрехт выпустил новаторскую «историю» 1926 года — книгу, в которой он отошел одновременно от исторического повествования как такового и от задачи предложить такое описание прошлого, из которого мы могли бы извлечь какую-либо существенную пользу в настоящем. Как он объясняет в послесловии к этой работе, «После уроков истории», в свете постструктуралистской критики и впечатляющего коллапса государственного социализма в Европе, который «за всю историю интеллектуальных экспериментов... был самым дорогостоящим провалом» [Gumbrecht 1998: 413; Гумбрехт 2005: 467], оказалось, что исторический нарратив представляет собой либо разновидность художественной литературы, либо отражение идеологии. «Уроки истории», которые долгое время служили прагматическим оправданием историографии как жанра и академической дисциплины, превратились в эксцентричную выдумку о прошлых эпохах, к которой больше нет доверия. Стремление поведать о прошлом «правду», которая могла бы в то же время рассказать нам что-то о настоящем и даже о будущем, зиждилось на метафизических основаниях, однако крах марксистско-ленинской футурологии обрушил последнюю великую историко-метафизическую парадигму.

Позиция Гумбрехта представляла собой специфический извод постмодернистского взгляда на мир, характеризовавшего западную интеллектуальную и общественную жизнь 1990-х — скептический ответ на влиятельный тезис Френсиса Фукуямы о конце истории. Фукуяма видел в крахе государственного социализма не закат метафизической истории, а мощное подтверждение того, что история уверенно движется в определенном направлении. Метафизическая парадигма в этом случае принимала обличье свершившегося факта.казалось, холодная война с ее идеологическим противостоянием окончилась триумфом свободного рынка и демократии — и это означало не только то, что исторические процессы, развитие которых — согласно гегелевскому диалектическому принципу — проистекало из конфликта, достигли своего финала, но и то, что человечество наконец могло прийти к единому, согласованному пониманию мировой истории, универсальным венцом которой было бы это событие. И теперь, в отсутствие масштабных идеологических конфликтов, наконец можно было заняться более прозаическими делами по обустройству мира и будущего.

Но это так и не произошло. Критические отклики на тезис Фукуямы, которые начиная с 1990-х годов озвучивали столь различные мыслители, как Жак Деррида и Сэмюэль Хантингтон, указывали на несостоятельность предложенного им видения истории, которое очевидным образом ориентировалось на триумфальную концепцию гегемонии западного либерального капитализма. По мнению оппонентов Фукуямы, его историческая метафизика выражала отнюдь не всемирный консенсус, а наивные мечты претендента на мировое господство. В практическом плане критика этого предвзятого взгляда на историю дополнилась тем фактом, что, если даже подобный господствующий мировой порядок когда-либо маячил на горизонте, попытки воплотить его в жизнь с треском провалились. После 11 сентября, крайне неуспешных войн на Ближнем Востоке и в Афганистане, утраты оптимистической веры в демократию во многих странах мира (и даже в новой Европе) и действий Российской Федерации в Украине, насильственно утверждающих новую версию цивилизационных различий и альтернативную гегемонию, предложенное Фукуямой понимание истории кажется просто горячечным бредом.

Но Гумбрехт со своим встречным тезисом, согласно которому мир может наконец перестать «учиться у истории», столь же определенно попал пальцем в небо. Напротив, начиная с 1990-х годов, ожесточенные споры по поводу истории повсеместно стали одной из ключевых черт общественных дебатов, ресурсом политической мобилизации и в крайних случаях даже поводом для начала военных действий. В настоящий момент нет недостатка в высказываниях, авторы которых пытаются прочертить траектории будущего на основании историй нации, расы, империи или идеологической позиции. И если некоторые из этих по-новому актуализирующих историю авторов, без сомнения, являются скептиками-конструктивистами или циничными манипуляторами-«постмодернистами», в обыденной жизни мы нередко становимся свидетелями битвы альтернативных метафизических парадигм — чаще всего в форме заезженных национальных историй в ключе Гердера и Гегеля или идеологических нарративов в духе Маркса или Смита. Вместо того чтобы исчезнуть за ненадобностью, прошлое возвращается с упорством, соразмерным его спорному характеру, предвзятости, нелогичности (особенно если смотреть на вещи глобально) и явно первостепенной важности с точки зрения обустройства мира — точнее, мнимо легитимных притязаний на мировые богатства.

Позвольте мне привести еще пару примеров, при помощи которых на проблему глобальной истории можно взглянуть через замочную скважину специфического времени и места — современной Латвии, которую я уже несколько лет усердно изучаю. На главной площади Вентспилса, города в латвийской Курляндии, расположен ультрасовременный концертный зал. На этом месте раньше стоял памятник Ленину, пока его не снесли в 1991 году. Изменение городского ландшафта недвусмысленно выражает протест латвийского общества против советского господства, которое было ему насильно навязано во второй половине XX века. Для многих символическое переустройство пространства города имеет и более злободневный смысл в контексте тревоги, связанной с попытками Российской Федерации заявить свои права на сферу влияния, которая потенциально может простираться как раз до этой площади.

Однако концертный зал не единственная новая постройка на центральной площади Вентспилса. Неподалеку можно увидеть огромный фонтан в форме корабельных мачт. Это монумент фрегату «Кит» (Walfisch), который, как гордо поясняет табличка, в 1651 году доплыл до острова, ненадолго превратившегося в одну из двух заокеанских колоний герцогства Курляндского под названием острова Святого Андрея (сейчас это остров Кунта-Кинте, входящий в территорию Гамбии). В этой связи можно также упомянуть центральный шопинг-молл города. Подобные здания, будто с неба свалившиеся в каждый город Восточной Европы за три десятилетия, которые минули с момента краха государственного социализма, являют стандартную физиономию глобальной потребительской культуры. Но этот торговый центр называется «Тобаго» — в память о второй колонии, ненадолго доставшейся Курляндскому герцогству. Однажды летней ночью 2021 года, когда я вешал замок на припаркованный у шопинг-молла велосипед, байкер из мотоклуба «Куроны» рычал двигателем своего харлея, на который в этот момент запрыгивала девушка. Кожаную куртку парня украшали перекрещенные мечи и тевтонские кресты — символ правивших Курляндией немецких дворян, потомков крестоносцев.

Другой пример: беседа в Риге за несколько лет до того с женщиной старшего поколения, этнической русской по имени Валентина Николаевна, я невольно оказался вовлечен в малоприятный разговор о расе. «Смотрите, — сказала мне собеседница, — у меня прямо в паспорте написано “негр”». Валентина Николаевна — «не-гражданин» (*nepilsonis*), одна из множества жителей бывшей Латвийской Советской Социалистической Республики, кому в 1991-м отказали в гражданстве на том основании, что, хотя она и родилась в Латвии, в ее родословной не было граждан Латвийской республики, существовавшей в межвоенный период, в первой половине XX века. (В Латвии до сих пор около 200 тысяч не-граждан — около 10% от населения страны). Утверждение Валентины Николаевны, что у нее в паспорте написано «негр» — шутка, обыгрывающая сокращение от термина «не-гражданин». Латвийские не-граждане часто прибегают к этому каламбуру. (Для справки: в латвийском паспорте негражданина не написано «негр».) Валентине Николаевне и многим другим не-гражданам Латвии эта «забавная» игра слов предоставляет возможность иронически и намеренно провокационно описать социальное положение неграждан путем сравнения с расистскими режимами и дискриминацией чернокожих. Ирония, конечно, двусмысленная вещь: нельзя однозначно утверждать, что этот каламбур выражает солидарность угнетенных. Как раз наоборот, он может иметь расистский подтекст — примерно такой же, как в устойчивом выражении «я тебе не негр». Используя этот термин, Валентина Николаевна и другие люди зачастую подразумевают не то, что дискриминация — это плохо, а то, что в их случае она не по адресу: дискриминировать русских нехорошо, ну а чернокожие свой удел заслужили.

Гамбия вместо Ленина. Торговые центры и Тобаго. Крестonosцы на харлеях. Солидарность, или негативная солидарность, русских с африканцами. Искренний восторг, вызываемый откровенно эпизодической ролью Курляндии в мировом колониальном господстве европейцев, каким-то образом сосуществует с господствующим в Латвии мейнстримным историческим дискурсом касательно освобождения Латвии от русского имперского владычества и советской оккупации (никак не учитывающим тот факт, что условная латвийская нация была угнетенным населением не только в Российской империи и Советском Союзе, но и в Курляндии, феодальном государстве остзейских немцев)². Русские каким-то образом умудряются представлять себя жертвами неокOLONIALИЗМА угнетения со стороны латвийцев. Сопrotивление российскому неокOLONIALИЗМУ каким-то образом подразумевает снос памятника Владимиру Ленину, одному из самых пылких теоретиков социалистического антиимпериализма.

Противоречащие друг другу конфигурации истории повсеместно встречаются в восточноевропейских обществах: версии разнятся от страны к стране и внутри каждой из стран. К только что перечисленным можно добавить более известные и наглядные примеры: парады в честь Дня Победы в Москве, прославляющие героизм советских (но все чаще воображаемых как «русские») мужчин и женщин, победивших нацизм, конкурируют со множеством новых мемориальных комплексов по всей Восточной Европе, воздвигнутых

2 Анализ восторженного отношения современных латвийцев к короткому периоду в истории Курляндии, когда она успела побыть колониальной державой, см. в: [Dzenovska 2018: 19–24].

в память о жертвах советского режима, которые погибли во время войны и в последующие десятилетия; российская официальная риторика озвучивает «исконные» права на Крым как место крещения князя Владимира и христианизации Руси, в противовес этому украинское антикоммунистическое (или антирусское?) законодательство запускает не только уничтожение всех сохранившихся памятников Ленину, но и переименование всех мест, названных в честь Розы Люксембург; действия России в Украине в 2022 году преподносятся российским обывателям как мера по защите от неонацистского режима и ультраправого национализма, и в этом есть трагическая ирония, ведь многим в Европе кажется, что разворачивается прямо противоположный сценарий.

Во всех этих случаях современные общества старательно «учатся у истории» или же им настоятельно советуют так поступить. Точнее, история учит их актуальному для их локальной ситуации смыслу таких понятий, как политическая жизнь, нация, империя, колониальное подчинение, социализм, либерализм, капитализм, фашизм и коммунизм. Конфликт по поводу значений этих слов иллюстрирует неустойчивый характер отношений между историческими и идеологическими универсалиями и локальной спецификой. Не то чтобы многие не пытались связать их в единое глобальное целое на теоретическом и практическом уровне. Однако споры об истории, ведущиеся в Восточной Европе, обнаруживают заведомую неполноту и предвзятость подобных решений. Эти страны — бывшие окраины, или, по другой версии, бывшие оккупированные территории СССР, государства, основанного на интернациональной классовой солидарности, которое поддерживало мировой антиимпериализм, при этом все больше напоминая империю, на обломках которой оно возникло (и завещав это родовое сходство своему государству-преемнику). В происходящих на постсоциалистическом пространстве остро локальных конфликтах и дебатах можно ощутить глобальную невозможность примирить точку зрения тех, кто видел в СССР освободителя, будь то от капиталистической империи или от нацистской Германии, и тех, кто видел в нем тюрьму народов, или же тех, кто видел в СССР реализацию обещания европейского Просвещения, и тех, кто видел лишь искаженный образ последнего. И не то чтобы в этой географической зоне данные проблемы обретали внятную формулировку: обычно здесь, как и в любом другом месте, они затемнены переплетением нестыковок и конфликтов, подпитывающим современные «войны памяти» и захватнические войны. Здесь, как и во всем мире, люди учатся у истории, но ее уроки фрагментарны, противоречивы и изобилуют ошибками.

Глобальная история XX века строится вокруг двух фундаментальных аксиологических развилок: с одной стороны, идеологический и геополитический конфликт между государственным социализмом и либеральным капитализмом, с другой — масштабная драма распада созданных европейскими державами мировых империй, болезненный и сложный процесс деколонизации и продолжающиеся споры по поводу имперского исторического наследия и его долгосрочных эффектов. Ключевой вклад настоящей статьи в исследовательскую дискуссию сводится к утверждению, что эти две системы координат в корне не совпадают, на каждом отрезке блокируя пути к историческому консенсусу. В данный момент в Восточной Европе мы наблюдаем трагические последствия этих смысловых тупиков. Для понимания таких условий нашего об-

щего существования необходимо учитывать более продолжительную критическую и идеологическую предысторию, проследив пересечение имперских и идеологических категорий анализа с конца холодной войны, их латентное существование в 1990-е годы и ускоряющиеся процессы разворачивания в академической сфере исследований того, как сопрягаются постсоциалистические и постколониальные категории, а в области геополитики — «войн памяти» на постсоциалистических и постсоветских территориях. Эти интеллектуальные и геополитические процессы, протекая параллельно, за последние несколько лет достигли кульминационной точки: научные дискуссии о постсоциалистической постколониальности в недавних публикациях по вопросам глобальной истории социалистического антиимпериализма вышли на новый уровень обобщения, связав различные контексты в единое глобальное целое, а «война памяти» перешла в реальные боевые действия. Мои дальнейшие рассуждения в этой статье имеют целью проследить путь, который привел нас к этим двояким последствиям.

Фредрик Джеймисон в 1984 году начал свое эссе «Периодизация 60-х» (в пандан к влиятельной статье того же года о постмодернизме) с упоминания тупика в политической ситуации этого периода — следствия «возможностей и провалов» 1960-х годов, — а также в критических практиках осмысления прошлого: «историческая репрезентация... <...> ...переживает кризис» [Jameson 1984: 178, 180]. В изложении Джеймисона истоки этих симметричных затруднений в политике и историографии коренятся в последствиях деколонизации стран «третьего мира» и связаны с вновь вскрывшимися противоречиями между классовыми и иными формами идентичности и солидарности. Отголоски этого разрыва обнаруживались в преимущественно националистической ориентации политических чаяний в бывших колониях, а также в расцвете политики идентичности в то же самое время в развитых странах. В совокупности эти две тенденции в корне подрывали «более универсальную категорию, которая до этого, казалось, охватывала все формы общественного сопротивления — а именно классическую концепцию социального класса» [Ibid.: 181]. По мнению Джеймисона, именно деколонизация и сопутствовавшее ей сплочение вокруг категорий расовой, национальной, гендерной и других видов идентичности беспрецедентным образом раздробили прежде единую историю и общую судьбу, которая мыслилась в терминах классовой солидарности.

Однако в том же эссе Джеймисон предсказал, что такая фрагментация политических целей и понимания истории не вечна: распад империй вызвал к жизни новые формы транснационального господства — процессы глобализации, собирающие мир воедино, образуя новые или восстанавливая прежние отношения власти и подчинения:

Объединяющей силой в данном случае является новый облик капитализма, отныне глобального, который также, возможно, объединит неравные, фрагментированные и локальные формы сопротивления этому процессу. И в этом наконец найдет свое разрешение так называемый кризис марксизма вместе с отмеченной многими неприменимостью предлагаемых этой теорией форм классового анализа к новым социальным реалиям, с которыми мы столкнулись в шестидесятые. «Традиционный» марксизм, казавшийся «неверным» в этот период возникновения множества новых исторических субъектов, неизбежно вновь станет верным,

когда мрачная реальность эксплуатации, извлечение прибавочной стоимости, пролетаризация и сопротивление ей в форме классовой борьбы постепенно вновь начнут заявлять о себе в новом, всемирном масштабе — что, по всей видимости, уже происходит [Ibid.: 208—209]³.

Однако уверенность Джеймсона в том, что условия позднего капитализма в «первом мире» должны поглотить «местное сопротивление» и «социальные реалии» стран «третьего мира», не оправдалась. Предсказанное им возникновение новой всеобщей солидарности и цельных исторических субъектов так и не произошло, по крайней мере отчасти из-за непредвиденного распада государственного социализма в странах «второго мира» (любопытным образом отсутствующего в рассуждении Джеймсона). Крах социалистического блока не только распространил охват капиталистической глобализации на весь мир, но и спутал взаимоотношения между «первым» и «третьим» миром и между нацией и классом — понятиями, на которых Джеймсон строил свой анализ. Постсоциалистическая постколониальность принесла с собой — не только для территорий, которые можно охарактеризовать как постсоциалистические постколониализм в узком смысле обоих терминов, но и для многих других регионов мира — не обновление «классической концепции социального класса», а усиление значимости национальных, расовых, гендерных и других форм идентичности, а также все более и более мощные технологии, позволяющие экономическим и политическим элитам эти идентичности кооптировать. Глобальный конфликт XX века, завязанный на противостоянии сущностно различных капиталистической и социалистической версий будущего человечества, сменился неолиберальным технократическим консенсусом в вопросах управления в сочетании с острым, манипулятивным противостоянием по поводу смыслов прошлого, борьбой за ресурсы и голую власть.

В конце холодной войны не было совершенно очевидно, что четверть века спустя мы окажемся именно в такой ситуации. И необходимо воздать должное Джеймсону — он указал на феномены, которые в последующие десятилетия определяли развитие исторических событий и научных исследований: с одной стороны, ускоряющаяся глобализация, а с другой — критика имперского господства, которое в ходе глобализации воспроизводилось в новых формах. В первые десятилетия после холодной войны нацеленность элит повсюду — и в деколонизирующихся странах, и в бывшем соцблоке — на транснациональную интеграцию под знаком свободной торговли, воспроизводства западных либеральных моделей управления и неолиберальной оптимизации программ социальной защиты, кажется, подтверждала диагноз Джеймсона. Для критического осмысления этих процессов решительно задействовались инструменты постколониального анализа, позаимствованные у таких первопроходцев

3 Мнение Джеймсона, согласно которому всеобщая политическая солидарность должна возникнуть как результат процессов глобальной экономической интеграции в условиях гегемонии западного позднего капитализма и постмодерна, представляет собой отголосок рассуждений Маркса о британском владычестве в Индии. Признавая британские зверства в Индии, в заключение Маркс тем не менее ставит риторический вопрос: «Вопрос заключается в том, может ли человечество выполнить свое назначение без коренной революции в социальных условиях Азии. Если нет, то Англия, несмотря на все свои преступления, была бессознательным орудием истории, вызывая эту революцию» [Marx 1974: 306—307].

антиколониализма, как Эдвард Саид и Франц Фанон. Эти фигуры внезапно вышли на первый план в западном академическом мире в конце 1980 — начале 1990-х годов. Однако мало кто пытался применить их аналитические инструменты к истории и современности территорий от Варшавы до Владивостока. Вместо этого для концептуализации этих процессов использовалась парадигма политического, экономического и культурного «перехода» от форм социалистического «второго мира» к формам капиталистического «первого мира». Несовместимые с этим реалии и исторические процессы деколонизирующегося «третьего мира» при этом имплицитно предполагалось перепрыгнуть или обойти. И в кулуарах власти, и в академических кругах бывшие социалистические государства воспринимались как принципиально отличающиеся от бывших колоний по исторической траектории и нынешнему состоянию.

В последнее десятилетие XX века политический дискурс в большинстве сфер порывал с социалистическим прошлым. Это прошлое казалось чем-то вроде атрофированной конечности, которую следовало признать нерабочей, забыть или отсечь и выбросить. Оно мыслилось либо как травматическое испытание, которое было успешно преодолено (так обстояло дело в большинстве стран Восточной Европы), либо как роковое и, возможно, позорное историческое заблуждение (так было в Российской Федерации). Движение в сторону глобализации и стирания национальных различий в рамках либерального западного порядка казалось столь же неотвратимым, как морские приливы. Несмотря на начало националистической войны в бывшей Югославии (журналисты и официальные комментаторы последовательно называли ее архаичной с исторической точки зрения), казалось, что с образованием Европейского союза, в который устремились государства Восточной Европы, эпоха национализма заканчивается — или, по крайней мере, входит в совершенно новую фазу. Господствовавшее в период непосредственно после холодной войны нежелание описывать бывшие социалистические общества в тех же терминах, которые применялись к бывшим колониям капиталистических империй, очевидно, к примеру, в оживленных спорах историков в начале 2000-х годов о том, применимо ли вообще к СССР понятие «империя». Тогда это емко сформулировал Юрий Слезкин: «Советский Союз был империей — в том смысле, что он был огромным, ужасным, асимметричным, иерархичным, разнородным и обреченным. <...> Но был ли он современной колониальной империей? Место ли ему на той же самой помойке, куда отправились голландская, французская и британская империи?» [Slezkine 2000: 227]⁴.

Но эти же дебаты, с другой стороны, служили симптомом меняющейся политической и интеллектуальной обстановки в конце первого десятилетия после холодной войны. С начала нового тысячелетия все больше ученых применяли категорию империи к изучению советской истории, а инструменты постколониальных исследований — к анализу последствий советского господства на территории самого СССР и его государств-сателлитов в Восточной Европе⁵.

4 См. также вклад других ученых в историографическую дискуссию об «имперской» природе СССР: [Beissinger 2005; Khalid 2007; Martin 2001; von Hagen 2004].

5 Вопрос взаимосвязи постколониальной и постсоветской исследовательских парадигм впервые поставил ребром Дэвид Мур в работе: [Moore 2001]. В числе других важных рассуждений о проблемах постколониального анализа постсоветской и постсоциалистической ситуации следует назвать: [Chari, Verdery 2009; Chernetsky 2003; Otoiu 2003; Popescu 2003; Spivak 2003; Spivak et al. 2006].

Эти исследования, кульминацией которых, среди прочего, можно назвать два недавних спецвыпуска «Нового литературного обозрения», посвященных теме «Постсоветское как постколониальное», высветили как множество сходств и аспектов преемственности между советским господством и более ранними имперскими формациями, до тех пор находившимися в центре внимания постколониальной теории, так и особенности, отличавшие советские и социалистические кейсы⁶. Выявленная специфика заключалась, в частности, в сочетании мер по поддержке нерусских национальностей в СССР с жестким подавлением национального сепаратизма, реального или мнимого (см., к примеру: [Martin 2001; Northrop 2004]); в активной ориентации СССР на экономическое и социальное развитие периферийных территорий в противовес эксплуатации и выкачиванию ресурсов — вследствие чего, в частности, среднеазиатские интеллектуалы крайне неохотно признают постколониальную природу своей ситуации [Калиновский 2020; Kalinovskiy 2018]; в «метапостколониальной» симптоматике применения в восточноевропейских обществах постколониальных теоретических инструментов в интересах национальных проектов⁷; и в множестве других любопытных особенностей имперского господства, возросшего на почве государственного социализма. Однако необходимо признать, что результаты этих попыток применить постколониальные категории анализа к постсоциалистической ситуации почти не произвели сколько бы то ни было значимого резонанса в международных сообществах постколониальных исследователей. Возможно, как отметила Мадина Тлостанова, это следствие того, что авторы этих работ напрямую или косвенно ассоциируются с антисоциалистическими позициями, которые идут вразрез с марксистскими основаниями большинства постколониальных интеллектуальных традиций [Тлостанова 2020].

Однако кардинальные изменения во взглядах на взаимоотношения между историей государственного социализма, постсоциалистических и постсоветских обществ и историей империи за последние два десятилетия произошли вне академической среды в той же мере, что и внутри нее. Все большее число наблюдателей не только признавали, что историческое наследие социалистического мира переплетено с историей империи и нации, но и начали выявлять в гегемонии современного либерального Запада в странах бывшего социалистического лагеря множество сходных черт с неокOLONIALИЗМОМ и постколониальной зависимостью в других частях света. Если в некоторых местах национализм, казалось, сходил на нет, то крах социалистического блока вдохнул в него новую жизнь: национализм лег в основу государственных образований как внутри, так и снаружи подвижных новых границ Европы. С начала XXI века то, что Джеймсон назвал «локальным сопротивлением» глобализации, возникало не только в бывших колониях западных империй, но и в бывшем социалистическом мире, по мере того как пережитки империи

6 Речь идет о выпусках № 161 (1/2020) и № 166 (6/2020).

7 Пожалуй, наиболее выдающимся и часто критикуемым примером этой тенденции является работа Эвы Томпсон, исследовательницы русской и польской литературы. Томпсон одной из первых среди ученых, изучающих данный регион, предложила применять постколониальный анализ. Ее монография «Имперское знание: русская литература и колониализм» [Thompson 2000] получила широкую известность и много цитируется, особенно в польском контексте, но упрощенческий национализм автора навлек на себя волну критики. См.: [Uffelman 2013; Zarycki 2013: 202—204].

в постсоциалистических землях проявляли себя неровным и конфликтным образом. В некоторых местах ревизия истории социализма в оптике империи приобрела форму активного и нередко ожесточенного поминания творившихся в СССР беззаконий и советского господства над периферийными республиками и государствами-сателлитами. Примером могут служить затяжные «войны памяти», связанные с Катынью, депортацией прибалтийских народов и голодомором в Украине. Другие дискурсивные узлы и топосы, напротив, актуализируют имперский ревизионизм в форме критики господства либерального западного порядка: от популистского и националистического евроскептицизма в Венгрии и Польше до все более агрессивного российского противостояния концепции «американского мира» (*raخ americana*) по меньшей мере с 2007 года (в этой связи можно вспомнить речь Владимира Путина на Мюнхенской конференции по безопасности и русско-грузинский конфликт 2008 года). Пожалуй, излишне говорить, что все эти явления, как и неразрешимое противоречие между различными позициями по вопросу взаимоналожения империи и государственного социализма, получили трагическое выражение в 2022 году. Конфликт в Украине представляет наиболее шокирующий пример нынешних условий нашего существования — итог тенденций в развитии политического дискурса и критических интерпретаций, контрастирующих с нарисованной Джеймисоном в последнее десятилетие холодной войны картиной возвращения к глобальной согласованности политических процессов и подходов к их анализу. Ведь, как показывают эти трагические события, хотя понятия «империя» и «постколониальность» действительно применимы к истории социалистических и постсоциалистических обществ, само это применение оказывается предметом непримиримых споров. Смычка между империей и идеологией рассыпалась.

В самом деле, в то время как ученые, интеллектуалы, политики, генералы и армии навязывают истории и современности стран бывшего соцблока имперские категории в аналитической, политической или военной форме, разнородные результаты предпринятого ими перекодирования действительности свидетельствуют о реальной исторической и идеологической дробности, несвязности и поляризованности глобального целого. Вернемся от геополитики к аналитике: эту проблематику наглядно иллюстрируют выводы, к которым приходят авторы двух значимых недавних монографий, претендующих на глобальный охват, — Моника Попеску в книге «На острие пера: африканские литературы, постколониальные исследования и холодная война» [Popescu 2020] и Росен Джагалов в работе «От интернационализма к постколониализму: литература и кино между “вторым” и “третьим миром”» [Djagalov 2019]. Как явствует из заглавий, в обеих книгах аспекты транснациональной истории взаимопроникновения мира государственного социализма и мира бывших колоний рассматриваются в постколониальном ключе. Будто бы отчасти выполняя прогноз Джеймисона, каждая из работ опирается на классиков постколониального анализа, сформировавшихся в русле марксистских аналитических традиций — и обе они были высоко оценены международным сообществом постколониальных исследователей, решительно пробив стену, разделявшую постсоциалистическую и постколониальную проблематику. И все же, несмотря на общие идеологические симпатии и корпоративную солидарность, совместное рассмотрение этих двух работ высвечивает тупик, в котором в настоящее время находится глобальная история.

В центре внимания и Джагалова, и Попеску ориентированность многих жителей бывших колоний в период холодной войны, от народных масс до интеллектуалов и элит, на государственный социализм или нарождающийся транснациональный социализм в качестве освободительной модели, противопоставляемой капиталистической империи, неоколониализму и постколониальной зависимости. Однако эти ученые существенно расходятся в оценке описываемых ими ключевых и малоизученных проблем глобального XX века. В работе Джагалова антиимпериализм и интернационализм левого толка, которые существовали в середине XX века — зачастую, но не всегда, под эгидой СССР, — генеалогически объединяются и отождествляются с постколониальной критикой глобального капитализма в наши дни. Книга Джагалова открывается замечанием:

...при всех проблемах и ограничениях советского антиколониализма, которые при сталинизме только усилились, стоит помнить, что большевистское государство межвоенного периода было единственной (ведущей мировой) державой, которая не только боролась с расизмом и империализмом на собственной территории, но и продолжала эту борьбу на международной арене — о чем по всему миру с благодарностью вспоминают активисты антиколониального движения и движения за расовую справедливость [Djagalov 2019: 12].

В заключении Джагалов объясняет:

Реконструируя одну из возможных генеалогий современных постколониальных исследований, [эта книга] вносит вклад в историческое изучение области, в которой теория традиционно предпочиталась истории. <...> Как показывает «От интернационализма к постколониализму», [применение постколониального анализа к постсоциалистическим контекстам] представляет собой лишь новейшую стадию цикла, который начался более века назад, когда бывшая Российская империя (трансформированная в СССР) стала гигантской экспериментальной площадкой для исследования и пересмотра политических, экономических и культурных иерархий, в которые выстраиваются общества как внутри СССР, так и в мировом масштабе [Ibid.: 226].

В отличие от Джагалова, Попеску описывает СССР и проекции его власти в развивающемся мире как форму «империи государственного социализма», во многих отношениях сопоставимую с империализмом и неоимпериализмом его капиталистических оппонентов и требующую более подробного анализа поляризованного силового поля культуры и идеологии в эпоху холодной войны с точки зрения деколонизированных территорий, с учетом опыта их жителей. К примеру, рассматривая критику французской Коммунистической партии решившим выйти из нее Эме Сезером, Попеску отмечает:

Хитроумная аргументация Сезера фиксирует несколько проблемных моментов, связанных с СССР. <...> Устройство Советского Союза привело к созданию форм внутреннего колониализма, воспроизводивших то господство, которое осуществляли русские в дореволюционной империи над насильственно включенными в нее народами. Столь же значима озвученная Сезером критика патерналистской роли, которую Советский Союз сам себе назначил, — узурпация лидерства, за которым скрываются формы империализма, похожие на западные. <...> Если неоколониальные амбиции Соединенных Штатов подтверждаются множеством

свидетельств, то недавние исследования показывают, что помощь, которую оказывала выходящим из-под колониального гнета странам другая сверхдержава, СССР, также не была бескорыстной. Ее цель заключалась в том, чтобы расширить или укрепить советскую сферу влияния. Начиная с 1920-х годов Советский Союз, а затем и его восточноевропейские сателлиты выражали интерес к судьбе угнетенных этнических групп и обеспечивали поддержку антиколониальных революций, особенно если во главе их стояли коммунисты. Выражаемая в категориях интернационализма, эта активно декларируемая коммунистическая солидарность с угнетенными народами («братство народов») зачастую камуфлировала расовые стереотипы и неоориенталистские дискурсы, с помощью которых формулировалась очередная «цивилизационная миссия» [Popescu 2020: 10—11].

Эти урезанные цитаты не могут передать всех нюансов и глубины анализа в рассматриваемых работах: и Джагалов, и Попеску в полной мере отдают себе отчет в сложности выбранного предмета исследования и блестяще справляются с его представлением. Кроме того, я не ставлю перед собой задачу оценить, какая из этих двух крайне важных монографий адекватнее отражает реальность. Скорее я пытаюсь показать, что, читая их одновременно, можно понять сложности, с которыми сталкиваются в настоящее время все попытки осмыслить прошлое и настоящее, в академической сфере и за ее пределами.

Возможно, не случайно выход работ Джагалова и Попеску совпал по времени с началом военных действий в Восточной Европе. В этих книгах, отличающихся необыкновенной глубиной эрудиции и широтой взгляда, но при этом столь различных по выводам, в научной форме кристаллизовалась диалектика реального мира, которая никак не придет к синтезу. В максимально отвлеченной форме ключевой вопрос звучит так: были ли транснациональные проекты государственного социализма конкурирующим, более справедливым вариантом глобализации или альтернативной формой империи? Что остается от освободительных импульсов деколонизации и какое место они могут занять в системе прошлых и актуальных идеологических различий? Иными словами, являлись ли социалистическая и капиталистическая версии глобализации по сути просто-напросто конкурирующими разновидностями неоимпериализма?⁸ Это те вопросы, которые прошлое настойчиво задает настоящему, однако на эти вопросы нет удовлетворительных ответов — по крайней мере, при рассмотрении их в глобальных масштабах. Не то чтобы на основе этих аналитических категорий невозможно было выстроить связное рассуждение, как попытались сделать Джагалов и Попеску в своих работах. Напротив, существует переизбыток подобных рассуждений, причем каждое из них представляется совершенно убедительным конкретным людям на конкретной территории. Среди предпосылок наших нынешних затруднений, испытываемых как в академической

8 Как напоминает нам Попеску, разбирая идеи Сезера, критика советского интернационализма и декларируемой солидарности с деколонизирующимися нациями как явлений неоколониальной природы не является чем-то новым. И нельзя сказать, что ее озвучивали исключительно интеллектуалы-марксисты, подобные Сезеру. Критика советского «империализма под знаменем социализма» составляла основу официальной позиции Китая по вопросам советской внешней политики после ухудшения советско-китайских отношений, см.: [Vamos 2020]. О социалистических версиях глобализации в целом см. прекрасное редакционное предисловие к тому же сборнику: [Mark, Kalinovsky, Marung 2020].

среде, так и за ее пределами, тот факт, что несмотря на ощущаемую многими насущность этих вопросов, несмотря на желание объяснить нынешний момент, используя эти категории — категории, которые история подбрасывает политикам и публике не менее настойчиво, чем ученым, — нет такой глобальной объяснительной парадигмы, которая могла бы раз и навсегда примирить истории империи и истории идеологии. Матрицы постсоциализма и постколониализма распространяются на весь мир. Но в каждой точке они пересекаются и преломляются друг в друге по-разному. Различия между подходами Джагалова и Попеску обнажают один из основополагающих факторов (безусловно, существуют и другие), способствующих поддержанию тупикового положения, в котором нынче оказалась глобальная транснациональная солидарность, какой ее мыслил Джеймисон. Этот тупик наиболее остро заявляет о себе в тех трещинах, которые проходят по Восточной Европе, отделяя друг от друга различные гегемонные порядки. Это один из ключевых движущих факторов агрессивного противостояния внутри восточноевропейских обществ и между ними — и этот фактор играет на руку тем, кому это противостояние выгодно.

Чтобы более непосредственно оценить последствия такого положения дел, вернемся к примерам, касающимся современной Латвии, которые я приводил в начале статьи. Каждый из этих примеров иллюстрирует своеобразную нестыковку, вызванную глобальной рассогласованностью историй империи и историй идеологии. Эти нестыковки лучше всего описываются не аналитическими высказываниями, а набором вопросов. Когда латвийцы сносят памятник Ленину, они выражают протест против российского империализма, отрицание государственного социализма по советскому образцу или неприятие любых современных левых политических взглядов? Когда русская женщина выражает солидарность с африканцем, отсылает ли она к долгой истории солидарности, объединявшей движения антиколониального сопротивления в Африке с борьбой за мировой социализм, или же она иронически воспроизводит разновидность расизма, в которой прослеживается идентификация с западноевропейским колониальным, русским имперским и даже советским режимами расовой дискриминации?⁹ Когда латвийцы воздвигают памятник истории своего участия в европейском колониальном господстве в Африке и странах Карибского бассейна, прославляют ли они европейский характер латвийской идентичности или же наглядно иллюстрируют довод о том, что европейское и западное влияние в Восточной Европе в наши дни представляет собой всего лишь очередной пример западного империализма? Когда русские празднуют День Победы, распевая советский гимн в центре Риги, отмечают ли они победу государственного социализма над нацистской империей, строившейся в Восточной Европе, или же они оправдывают нынешнее распространение российской имперской власти на таких территориях, как Латвия и Украина?

9 Пожалуй, даже сама Валентина Николаевна не смогла бы однозначно ответить на этот вопрос. Беседуя со мной летом 2021 года, она поделилась мнением о протестах Black Lives Matter в США, причем высказала убеждение, будто американское общество относится к Джорджу Флойду с чрезмерным пиететом. «Белье не должно целовать ноги черным», — сказала она, в целом выражая негативный взгляд на США как на враждебное и ущербное общество. Однако, когда я стал задавать вопросы об истории расовой дискриминации в Соединенных Штатах, Валентина Николаевна переключилась на критику расового неравенства, вспомнила Анджелу Дэвис и свое собственное воодушевление в связи с советскими кампаниями в поддержку этой фигуры.

Ни на один из этих вопросов нет удовлетворительного ответа. Возможно, следует сказать, что каждая из этих противоречивых интерпретаций «правдива» — и именно это делает перечисленные позиции удобными инструментами политической и военной мобилизации для медиарежимов враждующих сторон. Естественным следствием осознания равной валидности этих позиций является неизбежно сопряженная с каждой из них глубокая ирония — ирония, которая в такие времена, как сейчас, отдает трагедией. Хотя нынешние политические и военные схватки во весь голос оправдываются отсылками, с одной стороны, к таким классическим идеологическим понятиям, как либерализм, фашизм или социализм, или, с другой стороны, к ключевым категориям колониальных и постколониальных противостояний, таким как империя или национальное сопротивление, все эти термины имеют какое-либо значение лишь в локальных обстоятельствах, для однородных сообществ телезрителей. Выходя на минимальный уровень обобщения, аналитик неизбежно заметит непоследовательность каждой из этих позиций, выражающуюся в противоречивых идеологических ставках, из-за которых такую позицию невозможно занимать, находясь в сходной ситуации в другой части света — или по другую сторону баррикад. Помимо совершенной невозможности осмысленного диалога между противостоящими друг другу онтологиями, еще одним следствием такого положения дел является фактический вакуум на месте идеологической борьбы, которая, несмотря на все усилия по разворачиванию «нормальной политики», основанной на состязании интересов и идеологических позиций, постоянно рискует сползти в политику этнического и национального противостояния, как в Латвии, или подменить внутреннюю политику апелляцией к внешнему геополитическому антагонизму, как в России. И в том, и в другом случае политика лишается идеологического смысла, который подменяется конфликтом из-за денег, ресурсов и голой власти, разворачивающимся внутри государства и на внешнеполитической арене. Вот та реальная форма, которую принял для нас «конец истории» — не приостановка исторических способов производства смысла, а скорее исчезновение идеологически связанных дискуссий о прошлом и настоящем.

Не поймите меня превратно: я пытаюсь доказать не то, что невозможно создать связное повествование о событиях прошлого и современных реалиях, которое включало бы в себя категории империи и идеологии, — а лишь что каждый такой нарратив имеет смысл лишь в сугубо локальном онтологическом пейзаже (хотя, конечно, некоторые локусы живут фантазиями о мировом господстве). Однако, возможно, из этого следует сделать вывод не об относительной справедливости каждой из доступных позиций, а, напротив, о том, что каждая из них ложна. Таким образом мы придем к пониманию того, что единственным подходящим инструментом, который остается нам для анализа истории и современных событий, является негативная диалектика. Теодор Адорно сформулировал это понятие в туиковый момент, подобный нашему настоящему — момент, обусловленный глобальным историческим и геополитическим разрывом между капиталистическим порядком, основанным на воспроизводстве неравенства, несмотря на декларируемый либерализм, и социалистическим миром, в котором путь «от необходимости к свободе» многих привел за решетку. В противовес школам мысли, анализировавшим противоборствующие политические, социальные и философские позиции, чтобы пре-взойти их посредством диалектического синтеза, опирающегося на ту или иную

обновленную систему метафизики, Адорно применял диалектический принцип как способ осознать неадекватность всех наличных позиций и любого их последующего синтеза: «Диалектика — это последовательное логическое осознание нетождественности. Она не предпосылает концепции. К диалектике мысль толкает ее неизбежная недостаточность, погрешности в мыслимом» [Адорно 2003: 15; Adorno 2007: 5]¹⁰. Однако это не идеологический или моральный релятивизм — в основе метода Адорно лежит неустанная критика, результатом которой становится осознание не того, что все позиции стоят друг друга (Адорно описывает релятивизм как закон рынка — к этой мысли я еще вернусь), а того, что, поскольку ни одна из имеющихся позиций не удерживает целостного видения, нам остается лишь изучать доступные нам фрагменты. Диалектика Адорно носит принципиально открытый характер и избегает трансцендентных заключений, занимаясь вместо этого терпеливым созерцанием отрицания.

Утрата исторической и идеологической связности, бесконечная дистанция, отделяющая нас от какого-либо понимания целого, неизбежно наводит на размышления о чудовищном итоге постидеологической эпохи, наступление которой встречали с таким энтузиазмом тридцать лет назад. В 1989—1991 годах волна так называемой демократии свободного рынка хлынула поверх прочерченных холодной войной границ в Восточной Европе и, казалось, формировала единый, гомогенный мир — по формулировке Томаса Фридмана, «плоскую землю», населенную разделяющими одни и те же ценности обществами. И монумент в Вентспилсе, с которого я начал разговор, и события последних месяцев в Украине демонстрируют крах былых надежд на единый человеческий мир, основанный на разделяемом понимании истории, базовых политических принципах и представлениях об общественном благе. Вместо этого мы оказались в матрице все более милитаризованных границ между противостоящими онтологиями и видениями истории. Говорящие головы на Западе регулярно описывают текущие трансграничные конфликты в Восточной Европе как составляющие новой холодной войны и обсуждают «не состоявшийся переход» или «реверсивные тенденции» (*backsliding*) в России и других странах, как будто со времен государственного социализма ничего не изменилось. Однако, как это ни парадоксально — особенно если в полной мере учитывать преемственность деструктивных тенденций в российской политической культуре, — новая или повторная фрагментация жизненных миров на этих территориях по сути представляет собой патологию, сопутствующую глобальному капиталистическому режиму «свободного рынка». В настоящее время единственной работающей во всей Восточной Европе и во всем мире глобальной системой является рынок. Однако рынок не совместим с политической солидарностью и разделяемыми идеями, как в каждом конкретном обществе, так и в транснациональных масштабах. Напротив, несмотря на вышедшую из моды трепотню, звучавшую в аэропортах 1990—2000-х в залах ожидания бизнес-класса, о «мире без границ» и свободном движении капитала, мировой рынок процветает не только благодаря возможности глобального обмена, но и благодаря производству различий, обеспечивающих выгоду от финансовых спекуляций, и сохранению границ, позволяющих изолировать рынки дешевой рабочей силы, а также накапливать и защищать собственность

10 Подробный разбор метода Адорно см. в: [Buck Morss 1977].

и доходы. Иными словами, наша нынешняя безрадостная ситуация проистекает не только из неудач перехода постсоциалистических обществ к рыночной экономике, но и из непредвиденных следствий их успехов на этом поприще. Все государства и общества оказались сведены к положению торговцев обломками истории. Куда нас в конце концов заведут сомнительные успехи нашего постсоциалистического постколониального положения, сможет показать только какая-то новая история, история будущего.

Пер. с англ. Ксении Гусаровой

Библиография / References

- [Адорно 2003] — Адорно Т. Негативная диалектика / Пер. с нем. Е.Л. Петренко. М.: Научный мир, 2003.
- (Adorno T. Negative Dialektik. Moscow, 2003. — In Russ.)
- [Гумбрехт 2005] — Гумбрехт Х.У. В 1926 году. На острие времени / Пер. с нем. Е. Кашицева. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
- (Gumbrecht H.U. In 1926. Living on the Edge of Time. Moscow, 2005. — In Russ.)
- [Калиновский 2020] — Калиновский А. Призывники социализма: таджикская интеллигенция и деколонизация по-советски // Новое литературное обозрение. 2020. № 161. С. 140—156.
- (Kalinovskij A. Prizyvnikhi sotsializma: tadjhikskaya intelligentsiya i dekolonizatsiya po-sovetski // Novoe literaturnoe obozrenie. 2020. № 161. P. 140—156.)
- [Глостанова 2020] — Глостанова М. Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация // Новое литературное обозрение. 2020. № 161. С. 66—84.
- (Glostanova M. Postkolonial'nyy udel i dekolonial'nyy izbor: postsotsialisticheskaya mediatsiya // Novoe literaturnoe obozrenie. 2020. № 161. P. 66—84.)
- [Adorno 2007] — Adorno T. Negative Dialectics / Transl. by E.B. Ashton. New York: Continuum, 2007.
- [Beissinger 2005] — Beissinger M. Rethinking Empire in the Wake of Soviet Collapse // Ethnic Politics After Communism / Ed. by Z.D. Barany, R.G. Moser. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2005. P. 14—45.
- [Buck Morss 1977] — Buck Morss S. The Origin of Negative Dialectics: Theodor Adorno, Walter Benjamin, and the Frankfurt Institute. London: The Free Press, 1977.
- [Chari, Verdery 2009] — Chari S., Verdery K. Thinking Between the Posts: Postcolonialism, Postsocialism and Ethnography after the Cold War // Comparative Studies in Society and History. 2009. № 51. P. 6—34.
- [Chernetsky 2003] — Chernetsky V. Postcolonialism, Russia and Ukraine // Ulbandus. 2003. № 7. P. 32—62.
- [Djagalov 2019] — Djagalov R. From Internationalism to Postcolonialism: Literature and Cinema Between the Second and Third Worlds. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2019.
- [Dzenovska 2018] — Dzenovska D. School of Europeaness: Tolerance and Other Lessons in Political Liberalism in Latvia. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2018.
- [Gumbrecht 1998] — Gumbrecht H.U. In 1926. Living on the Edge of Time. Harvard University Press, 1998.
- [Heidegger 1992] — Heidegger M. The Origin of the Work of Art // Heidegger M. Basic Writings: from Being and Time (1927) to The Task of Thinking (1964). San Francisco: HarperSanFrancisco, 1992. P. 143—212.
- [Jameson 1984] — Jameson F. Periodizing the 60s // Social Text. 1984. № 9/10. Special issue "The 60's without Apology". P. 178—209.
- [Kalinovsky 2018] — Kalinovsky A. Laboratory of Socialist Development: Cold War Politics and Decolonization in Soviet Tajikistan. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2018.
- [Khalid 2007] — Khalid A. Locating the (post-)colonial in Soviet history // Central Asian Survey. 2007. Vol. 26. № 4. P. 465—473.
- [Mark, Kalinovsky, Marung 2020] — Mark J., Kalinovsky A., Marung S. Introduction // Alterna-

- tive Globalizations: Eastern Europe and the Postcolonial World / Ed. by J. Mark, A. Kalinovsky, S. Marung. Bloomington: Indiana University Press, 2020. P. 1—31.
- [Martin 2001] — *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923—1939. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2001.
- [Marx 1974] — *Marx K.* The British Rule in India // Marx K. Political Writings: In 2 vols. Vol. 1 / Ed. by D. Fernbach. New York: Random House, 1974. P. 301—307.
- [Moore 2001] — *Moore D.C.* Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique // PMLA. 2001. Vol. 116. № 1. P. 111—128.
- [Northrop 2004] — *Northrop D.* Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2004.
- [Otoiu 2003] — *Otoiu A.* An Exercise in Fictional Liminality: The Postcolonial, the Postcommunist, and Romania's Threshold Generation // Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East. 2003. № 23. P. 87—105.
- [Popescu 2003] — *Popescu M.* Translations: Lenin's Statues, Post-communism and Post-apartheid // The Yale Journal of Criticism. 2003. № 16. P. 406—423.
- [Popescu 2020] — *Popescu M.* At Penpoint: African Literatures, Postcolonial Studies, and the Cold War. Durham, N.C.: Duke University Press, 2020.
- [Slezkine 2000] — *Slezkine Y.* Imperialism as the Highest Stage of Socialism // Russian Review. 2000. № 59. P. 227—234.
- [Spivak 2003] — *Spivak G.* In Memoriam: Edward W. Said // Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East. 2003. № 23. P. 6—7, 111—128.
- [Spivak et al. 2006] — *Spivak G., Condee N., Ram H., Chernetsky V.* Conference Debates: Are We Postcolonial? Post-Soviet Space // PMLA. 2006. № 121. P. 828—836.
- [Thompson 2000] — *Thompson E.* Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism. Westport, Conn.: Greenwood Press, 2000.
- [Uffelmann 2013] — *Uffelmann D.* Theory as Memory Practice: The Divided Discourse on Poland's Postcoloniality // Memory and Theory in Eastern Europe / Ed. by U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor. New York: Palgrave Macmillan, 2013. P. 103—124.
- [Zarycki 2013] — *Zarycki T.* Debating Soviet Imperialism in Contemporary Poland: On the Polish Uses of Postcolonial Theory and Their Contexts // Empire De/Centered: New Spatial Histories of Russia / Ed. by S. Turoma, M. Waldstein. Aldershot, England: Ashgate, 2013. P. 191—215.
- [Vamos 2020] — *Vamos P.* The Soviet Bloc and China's Global Opening-Up Policy During the Last Years of Mao Zedong // Mark J., Kalinovsky A., Marung S. Alternative Globalizations: Eastern Europe and the Postcolonial World. Bloomington: Indiana University Press, 2020. P. 80—99.
- [von Hagen 2004] — *von Hagen M.* Empires, Borderlands, and Diasporas: Eurasia as Anti-Paradigm for the Post-Soviet Era // American Historical Review. 2004. Vol. 109. № 2. P. 445—468.